

ПЕТР ПЕРОВСКИЙ

ТУДА ГАРНИЗОН

ИНОГДА ПУТЬ ВЕДЁТ НЕ ТУДА.
А ОТТУДА — НЕ ВЕРНУТЬСЯ.

Петр Перовский
ТУДА. Гарнизон

«Автор»

2026

Перовский П.

ТУДА. Гарнизон / П. Перовский — «Автор», 2026

Август 1992 года. Украинский гарнизон в глухом лесу доживает последние дни страны, которой больше нет. Американцы строят аэродром, офицеры делят остатки власти, солдаты грызутся из-за щебня. А лес ждёт. Когда лейтенант Корнеев получает приказ проложить дорогу через чащу, никто не ожидает, что насыпь начнёт вести себя странно. А люди — меняться. Из Киева приезжает майор Мельник — следователь, привыкший работать с фактами. Но факты тают, показания свидетелей раз за разом расходятся, а лес становится всё ближе. «ТУДА. Гарнизон» — история о том, как военная машина встречается с чем-то, что не объяснить уставом. Ни монстров. Ни ответов. Только тишина. И лес, который смотрит на тебя в ответ.

© Перовский П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Петр Перовский

ТУДА. Гарнизон

Пролог

Лейтенант Корнеев терпеть не мог бессмысленные задачи.

Поэтому, когда капитан Руднев остановил колонну возле старого переезда и ткнул пальцем в сторону леса, Корнеев даже не сразу понял, что тот говорит серьёзно.

— Вот здесь дорогу сделаем, — сказал капитан. — Насыпь через лес. До аэродрома. А то по объездной полдня тащиться.

Солдаты переглянулись.

За лесом действительно строили новый аэродром. Ещё весной туда начали возить бетонные плиты, технику и какие-то странные контейнеры без маркировки. Ходили слухи, что объект курируют из Киева, а помогают американцы — то ли оборудование поставляют, то ли консультируют.

Кто-то говорил, что потом здесь откроют международный аэропорт.

Другие только смеялись.

— Товарищ капитан... — осторожно начал кто-то. — Так там же лес сплошной.

— Вижу, что не море, — отрезал Руднев. — Лопаты получите у прапора. И чтобы к вечеру был проход.

Он говорил раздражённо, будто злился не на задачу, а на сам факт существования этого леса.

Через двадцать минут пятеро срочников уже тащили инструменты к опушке.

Август девяносто второго выдался душным. Воздух стоял неподвижно, и даже птиц почти не было слышно.

Сначала работа шла бодро. Рубили молодняк, разгребали кусты, таскали мешки с щебнем. Шутили. Подкалывали друг друга. Один рассказывал про девушку из Воронежа, другой — как после армии купит мотоцикл.

Иногда над лесом проходили самолёты.

Низко. Тяжело.

И каждый раз кто-нибудь поднимал голову и говорил:

— Во, америкосы опять прилетели.

К вечеру они углубились в лес почти на километр.

Узкая белая полоса насыпи тянулась между деревьями, как шрам.

Именно там всё и произошло.

Сначала — обычная перепалка.

Сидоров толкнул плечом Рыжова, тот огрызнулся. Кто-то засмеялся. Потом Сидоров неожиданно ударил его в лицо.

Удар был такой силы, что Рыжов упал сразу.

Все замерли.

Сидоров тяжело дышал и смотрел на лежащего товарища так, будто видел его впервые.

— Ты чего?.. — тихо сказал кто-то.

Но Сидоров уже не слышал.

Он набросился снова. Бил молча. Жестоко. Не как в драке — как будто пытался уничтожить что-то перед собой. Остальные кинулись оттаскивать его, но он раскидал двоих так, словно не чувствовал ни усталости, ни боли.

А потом внезапно остановился.

Посмотрел на свои руки.

На кровь.

И выражение его лица изменилось так резко, что у Корнеева по спине пробежал холод.

Сидоров будто только сейчас понял, что сделал.

Он попятился.

Оглянулся на лес.

И бросился бежать в темноту между деревьями.

Просто исчез.

Они искали его почти час.

Безрезультатно.

Рыжова кое-как дотащили обратно в часть — избитого до полусмерти, с раздробленной челюстью и выбитыми зубами.

Прапорщик выслушал сбивчивый рассказ молча, а потом нахмурился:

— Инструменты где?

Все переглянулись.

В спешке они забыли лопаты и топоры возле насыпи.

— Да куда не денутся, — сказал Корнеев.

— Ага, — буркнул прапорщик. — Только попробуйте потерять казённое имущество.

Там и так американцы каждую гайку считают.

В итоге обратно отправили двоих.

Корнеев пошёл вместе с тихим худым срочником по фамилии Лунёв.

Солнце уже садилось. Лес стал совсем другим — тёмным, плотным, чужим.

Они быстро нашли начало насыпи.

Белая полоса уходила между деревьями.

Шли молча.

Потом Лунёв вдруг остановился.

— Слушай...

— Чего?

— А где дальше?

Корнеев поднял фонарь.

Насыпь обрывалась.

Просто обрывалась.

Будто её никогда здесь не было.

Перед ними тянулся обычный лесной участок — трава, мох, кусты. Нетронутые. Ровные.

Корнеев медленно сделал шаг вперёд.

Трава под сапогом примялась.

А когда он убрал ногу — выпрямилась обратно. Слишком быстро. Ненормально быстро.

Лунёв нервно усмехнулся:

— Да ну... не может быть.

Они прошли ещё метров сто вперёд.

И насыпь появилась снова.

Такая же белая.

Будто кусок пространства просто вырезали из леса. Аккуратно. Без следов.

Чуть дальше лежали забытые инструменты.

Корнеев долго смотрел на них, потом тихо сказал:

— Пошли обратно.

И впервые за весь день ему стало по-настоящему страшно.

Глава 1

Майор Андрей Сергеевич Мельник не любил поезда. Не из-за шума или тряски. Наоборот — ехали они обычно ровно. Убаюкивающе. Раздражало другое. В поезде всегда было слишком много времени для мыслей.

Он сидел у окна купе, положив ладонь на закрытый кожаный чемодан, и смотрел в темнеющее стекло.

За окном тянулись редкие огни. Иногда — станции. Иногда — просто одинокие фонари возле каких-то полустанков.

Украина менялась прямо на глазах. Новые флаги. Новые нашивки. Новые печати на старых документах. А люди оставались прежними. Те же прапорщики. Те же склады. Те же спиланные двигатели, «ушедшие» налево.

Те же офицеры, научившиеся за последние полгода произносить слово «демократия» с таким видом, будто всегда его знали.

Мельник тихо усмехнулся. Потом снова стал серьёзным. Он прекрасно понимал, почему его отправили в эту часть. Не из-за избитого срочника. И не из-за дезертира. Американцы. Вот и вся причина. В Киев пришла бумага. Потом ещё одна. Потом чей-то звонок сверху.

И внезапно обычная драка в гарнизоне превратилась в «инцидент, требующий особого контроля».

Мельник вздохнул и посмотрел на часы. Без пяти девять.

В дверь купе постучали.

— Товарищ майор?

Проводница осторожно заглянула внутрь. Молодая ещё. Уставшая.

— Через пять минут прибываем.

— Благодарю.

Она уже хотела закрыть дверь, но задержалась:

— Там у вас чемодан тяжёлый? Помочь?

— Не стоит.

— Ну как знаете.

Дверь закрылась. Мельник поднялся, поправил китель и снял с вешалки фуражку. Как всегда — идеально выбрит. Как всегда — аккуратен. Даже после суточной дороги. Он взял чемодан и вышел в коридор.

В этот же момент кто-то резко выскочил из соседнего купе и едва не врезался в него плечом.

— Ой! Извините! Извините ради Бога!

Парню было лет восемнадцать, не больше. Худой, светловолосый, смешно лопухий. Он тут же подхватил падающую сумку и виновато улыбнулся.

— Я вас не задел?

— Нет.

— А то я спросонья вообще ничего не соображаю.

Мельник коротко кивнул и пошёл к тамбуру. Парень двинулся следом. Молчал он секунд десять. Потом не выдержал:

— Вы тоже на сто сорок четвёртом выходите?

— Да.

— А я уж думал, один буду. Тут обычно никто не выходит.

Он говорил легко. Без напряжения. Так болтают люди, которые ещё не успели устать от жизни.

В тамбуре пахло железом и угольной пылью. Проводница открыла наружную дверь и зевнула.

— Ну что, мальчики, приехали.

— А вы тут часто ездите? — тут же спросил парень.

— Каждый день почти.

— И не страшно?

— Чего мне бояться?

— Ну... место такое.

Проводница хмыкнула:

— Страшно здесь только зарплату получать.

Парень рассмеялся. Потом повернулся к Мельнику:

— А вам не на автобус?

— Нет. Меня встретят.

— А-а...

Поезд начал замедляться. За мутным стеклом проплыла тёмная платформа. Почти без света. Только один фонарь трещал возле старой таблички. Состав тяжело дёрнулся и остановился.

Дверь открылась. Вечерний воздух оказался неожиданно холодным. Мельник первым сошёл на платформу. Следом прыгнул парень с сумкой.

Поезд стоял тихо. Никто больше не выходил. Никто не заходил. Только где-то впереди лязгнули сцепки.

Мельник огляделся. Пусто. Старый бетон платформы. Трава вдоль рельс. Насекомые возле фонаря. И табличка: «144 км».

Парень уже шагал рядом.

— Вам в часть? — спросил он.

— Да.

— Тогда нам почти по пути. Я до остановки. Тут автобус иногда ходит. Если не сломался опять.

Мельник ещё раз посмотрел по сторонам. Никого. Это ему не понравилось.

— Далеко отсюда?

— Да нет, минут десять. А вы надолго сюда?

— Не знаю.

— Ясно.

Парень поправил сумку на плече.

— А я домой еду. В Староселье. Слышали, может?

Мельник покачал головой.

— Хорошее село. Тихое. У меня там мать, сестра... и Ленка.

Он улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Девушка моя. Ждёт, наверное. Я ей даже не написал, что сегодня приеду. Хотел сюрприз сделать.

Они шли по узкой дороге вдоль рельс. Вдалеке темнел лес. Воздух пах пылью и остывающим железом.

Парень продолжал говорить: про деревню, про сестру, про какого-то соседа с мотоциклом, про Ленку, которая «вообще-то вредная, но хорошая».

Мельник слушал вполуха. Хмурился. Его раздражало отсутствие встречающих. На остановке не было никого. Только облезлый навес и перекошенная лавка.

Парень сел на край и вытянул ноги.

— А автобуса, наверное, уже не будет...

И тут где-то далеко послышался рёв двигателя. Оба обернулись.

Из-за поворота вылетел военный УАЗик, поднимая за собой столб пыли. Мчался он так, будто опаздывал на войну.

Парень усмехнулся:

— О. А вот и ваши.

— Наверное.

УАЗ резко затормозил возле остановки. Дверь распахнулась ещё до полной остановки. Из машины тяжело вылез грузный прапорщик с красным лицом. Фуражка сидела криво. Китель был расстёгнут.

Увидев Мельника, он мгновенно вытянулся:

— Товарищ майор! Прапорщик Савченко! Прибыли для встречи!

— Вольно.

Прапорщик тут же выдохнул.

— Тут это... недоразумение вышло. Нам сообщили, что вы самолётом будете. Мы на аэродроме ждали. А самолёт из Киева прилетел уже без вас. Нам только потом передали, что вы поездом...

Он говорил быстро. Слишком быстро. И с каждой фразой всё сильнее чувствовалось: оправдывается.

— Связь ещё эта проклятая... Да и в штабе, как обычно... Одни говорят одно, другие другое...

Мельник молча слушал. Потом просто открыл дверцу УАЗика и сел внутрь. Прапорщик сразу затих. Только нервно кашлянул и полез обратно за руль.

Парень у остановки вдруг сказал:

— Счастливо вам, товарищ майор.

Мельник посмотрел на него. Несколько секунд — молча. Потом кивнул:

— И тебе. Доберись нормально.

УАЗик тронулся с места. Парень остался возле остановки — худой силуэт под старым фонарём. А впереди, за тёмной полосой леса, уже начиналась дорога к части.

***

УАЗик трясло на разбитой дороге. Пыль лезла в окна даже через щели.

Прапорщик Савченко вёл машину сам — уверенно, одной рукой, иногда нервно поглядывая на Мельника.

Тот сидел молча. Смотрел вперёд. Слушал. Отмечал.

Машина была почти новая. Не с завода, конечно, но явно после ремонта. Сиденья перетянуты свежим серым дерматином. Панель не выцвела. Даже ручки дверей не болтались.

Мельник машинально провёл пальцем по чистой обшивке. «Года не прошло», — подумал он.

Ещё зимой в Киеве спорили: какие части вообще удастся удержать, чем платить офицерам, где брать топливо. А теперь уже осваивали американские деньги. Быстро. Очень быстро.

Савченко всё говорил. Про связь. Про штаб. Про аэродром. Про то, что «там наверху сами ничего толком не понимают».

Мельник слушал вполуха.

— ...ну и потом уже только вечером сообщили, что вы поездом прибыли...

Мельник отвёл взгляд от окна.

— Когда вернулся?

Савченко моргнул. Не сразу понял вопрос.

— Кто?

— Сидоров.

— А... да вчера, представляете?

— Нет, не представляю.

Тишина. Только двигатель надсадно гудел на подъёме. Мельник ждал. Савченко сглотнул.

— Эээ... из леса вышел.

— Так.

— Просто в часть зашёл. Сам. Будто ничего не было.

— Во сколько?

— Ну... часов в шесть вечера, так говорят.

— Говорят?

Снова пауза. На этот раз длиннее. Савченко заметно напрягся.

— Виноват, товарищ майор. Уточним. Составим рапорт.

Мельник кивнул.

За окном потянулись тёмные склады. Дальше — редкие фонари. Потом снова лес.

— Эээ... — прапорщик опять замялся. — Там ещё странность одна.

Мельник промолчал.

— Дождь вчера был. Ливень просто. Грязища кругом... а этот... Сидоров... сухонький пришёл. Чистенький. Будто и не по лесу шатался.

Мельник не ответил. Только отвернулся к окну.

Лес тянулся совсем рядом с дорогой. Тёмный. Плотный. И между деревьями вдруг мелькнула белая полоса насыпи. Узкая. Неровная. Уходящая куда-то в глубину.

Мельник задержал на ней взгляд. Странно. Ему вдруг вспомнился совсем другой вечер. Давний. Тоже дорога. Тоже лес за окном. И женщина, которую он тогда ещё называл женой.

Она что-то рассказывала ему без остановки, а он почти не слушал — всё думал о работе. О каком-то деле. О протоколах. О показаниях. Тогда ему казалось: успеется.

Потом — не успелось.

УАЗик качнуло на рельсах. Мель

Впереди уже виднелся переезд. Шлагбаум был поднят. Ворота части — открыты настежь.

У поста стоял сонный солдат с автоматом. Он лишь мельком посмотрел на машину и сразу отступил в сторону.

Ни проверки документов. Ни вопросов.

Мельника это не удивило. За последние двадцать четыре года службы его вообще мало что удивляло.

УАЗик проехал через территорию части. Редкие фонари освещали мокрый асфальт. Где-то в стороне темнели гаражи для техники.

Возле казармы курили двое срочников — увидев машину, торопливо спрятали сигареты, но даже не попытались сделать вид, что заняты делом.

Савченко всё ещё что-то говорил. Теперь уже про размещение. Про столовую. Про то, что «командир сегодня не в духе».

Мельник слушал молча. Не в духе здесь, судя по всему, были все.

У штаба УАЗик остановился. Никто их не встречал. Ни дежурный офицер. Ни адъютант. Ни хотя бы посыльный. Только свет в окнах второго этажа.

Савченко заглушил двигатель и кашлянул:

— Товарищ подполковник у себя.

Будто предупреждал.

Мельник взял чемодан и вышел из машины. Воздух здесь пах: сыростью, соляровкой и свежей краской. Где-то далеко, за складами, в темноте снова мелькнула белая насыпь. Даже отсюда её было видно. Странно. Слишком светлая.

Савченко уже торопливо шагал к штабу. Мельник двинулся следом.

***

Внутри оказалось душно. Длинный коридор. Вытертый линолеум. Тусклые лампы под потолком.

Навстречу попался капитан с папкой. Увидел Мельника. Сразу отвёл взгляд. Козырнул, посторонился.

Тоже знает, кто приехал.

У двери с табличкой «Командир части» Савченко остановился. Поправил китель. И почему-то вдруг заметно занервничал.

— Товарищ подполковник у себя, — повторил он тише.

Потом постучал.

***

Кабинет командира части оказался неожиданно просторным. Слишком просторным для такого гарнизона.

Высокие потолки. Тяжёлые шторы. Новый флаг Украины у стены — ещё яркий, будто только вчера достали из упаковки.

Подполковник Кравец сидел за широким столом и что-то писал, когда Мельника ввели внутрь.

Дневальный негромко доложил:

— Товарищ подполковник, майор Мельник прибыл.

— Свободен.

Солдат исчез.

Кравец поднялся. Коротко. Только чтобы обозначить приветствие.

Крепкий. Грузный. Лет пятидесяти. С покрасневшим лицом и тяжёлым взглядом человека, привыкшего орать громче остальных.

Они обменялись рукопожатием. Секунду спустя подполковник уже снова сидел за столом.

В кабинете не было ни одного свободного стула. Мельник отметил это сразу. Специально.

Кравец продолжал перебирать бумаги, будто майора в комнате уже не существовало. Потом сказал, не поднимая головы:

— Сидоров вчера вернулся в часть. Рыжов жив. Врачи говорят — поправится. Остальное — внутреннее дело гарнизона. До свидания.

Тишина. За окном где-то далеко гудел двигатель.

Мельник стоял спокойно. Чемодан у ноги. Фуражка под мышкой.

— Разумеется, товарищ подполковник, — произнёс он тихо. — Непременно. Но только после того, как я составлю подробный отчёт.

Кравец медленно перелистнул страницу.

— Отчёт?

— Да.

— А что там составлять?

Мельник промолчал.

Подполковник наконец поднял взгляд. Глаза у него были усталые и злые.

— Вам говорят: дезертир вернулся. Потерпевший жив. Всё.

— «Вам говорят» — не формулировка для отчёта.

Кравец несколько секунд смотрел на него молча. Потом откинулся на спинку кресла.

— Вы что, товарищ майор, в поезде этот отчёт написать не сможете?

Мельник не ответил. Просто смотрел на подполковника спокойно и внимательно.

Кравец тоже замолчал. Теперь уже демонстративно. Испытующе. Будто ждал, кто первым отведёт взгляд.

Не дождался. Мельник вообще редко отводил взгляд первым.

Наконец он произнёс:

— Мне, знаете ли, товарищ подполковник, отчитываться перед полковником Генерального штаба Коваленко. А не перед проводницей.

Повисла тяжёлая тишина.

Кравец медленно положил ручку на стол. Желваки на его лице дёрнулись. Вот теперь в глазах появилась настоящая злость. Не на майора даже. На сам факт его присутствия здесь.

— Дневальный! — рявкнул он так резко, что стекло в шкафу дрогнуло.

Дверь тут же распахнулась. На пороге возник перепуганный солдат.

— Проводите товарища майора в кабинет замполита. И позовите Гречко.

— Есть!

Мельник молча надел фуражку.

Кравец уже снова смотрел в бумаги, всем видом показывая: разговор окончен. Но когда майор уже подошёл к двери, подполковник вдруг произнёс:

— И ещё, товарищ майор.

Мельник обернулся.

— Здесь не Киев. Не люблю, когда мне мешают работать.

Мельник несколько секунд смотрел на него. Потом спокойно ответил:

— Я тоже. Поэтому постараюсь управиться быстро.

И вышел из кабинета.

***

Дверь за Мельником закрылась мягко, почти бесшумно. В коридоре было тихо. Только где-то в глубине штаба трещал телефон.

Дневальный шёл впереди быстрым шагом, то и дело оглядываясь, будто боялся, что майор внезапно исчезнет или передумает идти.

Мельник молча следовал за ним. Линолеум под ногами был затёрт до серых полос.

На стенах висели новые украинские плакаты поверх старых следов от советских стендов. В некоторых местах краска отличалась оттенком — будто символику меняли в спешке.

Возле одной из дверей дневальный остановился.

— Кабинет замполита, товарищ майор.

Он открыл дверь и посторонился.

Внутри пахло пылью, бумагой и старым табаком. Кабинет оказался небольшим. У стены — шкаф с папками. Под окном — письменный стол.

На стене — новый сине-жёлтый флаг и бледный прямоугольник рядом, где раньше явно что-то висело. Наверное, портрет.

Мельник поставил чемодан возле стола.

На столе лежала раскрытая тетрадь. Кружка с засохшим чайным налётом. Пепельница с двумя окурками. Кабинет не выглядел заброшенным. Скорее — временно оставленным.

— Замполит где? — спросил Мельник.

— В отпуске вроде... — неуверенно ответил дневальный. — Или в госпитале. Я точно не знаю.

Мельник кивнул.

— Свободны.

Солдат облегчённо исчез за дверью.

На несколько секунд стало совсем тихо. Где-то снаружи глухо проехал грузовик.

Мельник подошёл к окну. Отсюда была видна часть: казармы, склады, вышка и дальше — тёмная линия леса.

Он уже собирался отвернуться, когда в дверь негромко постучали.

— Разрешите?

В кабинет вошёл капитан лет тридцати пяти. Высокий. Худой. С усталым, но спокойным лицом. В руках — папка и две кружки.

— Капитан Гречко, начальник штаба, — представился он. — Подполковник просил помочь вам с материалами.

Он поставил одну кружку на стол.

— Чай, правда, уже холодный. Свежего сейчас не найти.

Мельник коротко кивнул:

— Благодарю.

Гречко говорил спокойно. Без суеты. Без попытки понравиться. И без того особого напряжения, с которым в этой части, кажется, разговаривали все остальные.

— Вы уж не держите на командира зла, товарищ майор, — сказал он, открывая папку. — Он третьи сутки почти не спит.

— Почему?

Гречко едва заметно замялся.

— Да всё сразу навалилось. Проверки. Аэродром этот. Американцы. Теперь ещё Сидоров...

Он пожал плечами. Не оправдывал. Просто объяснял. Мельник отметил это сразу. Первый нормальный разговор за весь вечер.

Гречко тем временем раскладывал бумаги по столу.

— Здесь рапорты дежурных. Медицинское заключение по Рыжову. И объяснительные срочников.

— Полные?

Капитан хмыкнул:

— Насколько у нас вообще что-то бывает полным.

Мельник невольно посмотрел на него внимательнее. Гречко выдержал взгляд спокойно.

— Вы были там? — спросил майор.

— На насыпи? Нет. Уже после приехал.

— А кто был?

Капитан взял папку со стола. Открыл. Некоторое время перебирал листы, потом по очереди вытащил три объяснительные.

— Лунёв. Стаценко. И лейтенант Корнеев.

Мельник принял бумаги.

— И все говорят одно и то же?

Гречко задумался. Потом медленно ответил:

— Нет.

Тишина.

Мельник опустил взгляд на объяснительные.

Писали торопливо. Чернила местами размазались. У Стаценко почерк был почти школьный. У Корнеева — ровный, офицерский.

Лунёв писал хуже всех. Будто не писал, а царапал бумагу.

Мельник остановился. Прищурился.

— А это что?

Гречко подошёл ближе. Майор молча показал пальцем на строчку. Несколько секунд капитан всматривался в текст. Потом нахмурился.

В объяснительной было написано: «...после чего увидели, что насыпь...» Слово «насыпь» было жирно зачёркнуто. Поверх него неровно, почти по буквам, вписано: «инструменты». Дальше текст продолжался как ни в чём не бывало: «...и вернулись назад в часть».

Мельник ещё раз посмотрел на строчку. Странная ошибка. Не грамматическая. Не случайная описка. Так не ошибаются. Лунёв будто сначала собирался написать одно — а потом испугался написанного.

Гречко тихо хмыкнул:

— Я тоже обратил внимание.

— Спрашивали его?

— Пытались.

— И?

Капитан пожал плечами.

— Говорит, перепутал.

Мельник медленно перевернул лист. Потом снова вернулся к строчке. «Насыпь». Слово почему-то цепляло взгляд. Слишком сильно для обычной ошибки.

За окном снова слышались голоса.

Капитан прокашлялся.

— Поздно уже, товарищ майор.

Мельник поднял глаза.

Гречко стоял у стола, неловко придерживая папку подмышкой.

— Вам бы отдохнуть с дороги. Завтра с утра и начнём нормально.

Майор ещё раз посмотрел на объяснительную. Потом аккуратно закрыл папку.

— Где меня разместили?

— В офицерском общежитии. Тут рядом.

Они вышли из штаба вместе.

На улице уже совсем стемнело. Воздух после дневной жары стал тяжёлым и сырым. Где-то вдалеке тархтел дизельный генератор. Из открытых окон казармы доносились приглушённые голоса и смех.

Часть жила своей обычной вечерней жизнью. И от этого почему-то становилось спокойнее.

***

Офицерское общежитие оказалось двухэтажным кирпичным зданием возле складов. На первом этаже горел тусклый свет. Гречко открыл дверь ключом.

— Тут раньше лёгчики жили, — сказал он. — Пока аэродром не начали перестраивать.

Внутри пахло пылью, табаком и старым деревом. Коридор был пуст. Где-то за стеной тихо работал телевизор.

Гречко остановился у одной из дверей.

— Здесь.

Комната оказалась маленькой: кровать, тумбочка, стол, шкаф, умывальник в углу. На подоконнике стояла пустая банка из-под растворимого кофе.

Мельник поставил чемодан на пол.

— Если что понадобится — я в штабе с семи утра, — сказал Гречко. — Ну... почти с семи.

Мельник едва заметно кивнул.

— Спасибо, капитан.

Гречко уже собирался выйти, но вдруг остановился у двери.

— Товарищ майор...

— Да?

Капитан несколько секунд молчал. Потом негромко произнёс:

— Вы только Лунёва сильно не давите завтра.

— Почему?

— Он после леса сам не свой ходит.

Мельник ничего не ответил.

Гречко кивнул сам себе и ушёл. Дверь тихо закрылась.

Мельник остался один.

Некоторое время он просто сидел на кровати, не включая свет. Снаружи шелестели деревья. Иногда где-то далеко лаяла собака.

Майор медленно снял китель, аккуратно повесил его на спинку стула и лёг поверх одеяла.

Пружины тихо скрипнули.

Перед глазами снова всплыла строчка из объяснительной. «Насыпь».

Мельник закрыл глаза.

И сам не заметил, как уснул.

Глава 2

Проснулся Мельник рано. Ещё до подъёма.

Несколько секунд лежал неподвижно, глядя в серый потолок, и пытался понять, что его разбудило.

Потом услышал. Где-то далеко, за лесом, низко и тяжело гудел самолёт. Звук постепенно нарастал. Стёкла в комнате едва заметно дрогнули.

Мельник сел на кровати и машинально посмотрел в окно. Над верхушками деревьев медленно прошёл огромный транспортник. Слишком низко. Слишком близко.

Секунду спустя гул начал уходить в сторону аэродрома. И снова стало тихо.

Мельник потёр лицо ладонью и посмотрел на часы. Шесть двадцать. Спал он всего несколько часов, но чувствовал себя неожиданно бодро. Даже легко. Такое иногда бывало после начала нового дела — мозг словно включался раньше тела.

Он поднялся.

Аккуратно застелил кровать. Сделал короткую зарядку прямо в комнате. Потом умылся ледяной водой из ржавого крана.

В зеркале над умывальником отражалось знакомое лицо: усталое, невыразительное, слишком спокойное для сорока шести лет.

Мельник вытер руки полотенцем и начал застёгивать китель.

План был простой. За день разобраться: кто врёт, что произошло в лесу, почему дезертир вернулся — и к вечеру уехать обратно в Киев. Ничего особенного. Обычная гарнизонная грязь, которую слишком сильно раздули из-за американцев.

Он уже взял фуражку, когда в дверь коротко постучали.

Не дожидаясь ответа, внутрь заглянул незнакомый капитан. Невысокий. Широколицый. С живыми бегающими глазами. Улыбнулся сразу — широко и слишком быстро.

— О, уже на ногах! А я думаю: спит человек после дороги или нет.

Мельник молча смотрел на него.

— Капитан Руднев, — представился тот. — Мы тут с вами соседи, получается. Через стенку живу.

Он говорил легко. Почти по-дружески. И одновременно как-то настороженно. Будто каждую секунду пытался угадать правильную интонацию.

— На завтрак идёте? — спросил он. — А то у нас тут если к семи не прийти — потом только холодная перловка останется.

Мельник надел фуражку.

— Иду.

— Во-от! Правильно. А то наши повара — диверсанты натуральные.

Он засмеялся собственной шутке.

В коридоре навстречу попался срочник с ведром воды.

— Куда прёшь, боец?! — мгновенно рявкнул Руднев.

Солдат дёрнулся так, что едва не расплескал воду.

— Виноват, товарищ капитан!

— Виноват он... Смотреть надо!

И тут же, уже через секунду, Руднев снова повернулся к Мельнику с улыбкой:

— Молодые ещё. Головы пустые.

Мельник ничего не ответил. Только отметил про себя, как быстро у капитана менялось лицо. Будто щёлкали переключателем.

***

На улице было прохладно. Над частью висело серое утреннее небо. На плацу уже маршировали срочники. Гулко звучали команды. Где-то возле гаражей ругался прапорщик. Из столовой тянуло кашей и свежим хлебом.

Руднев всё говорил без остановки: про строительство, про американцев, про проверки, про нового замполита, которого «обещают уже третий месяц».

Мельник слушал вполуха. Присматривался. К людям. К части. К мелочам.

У штаба курили двое офицеров. Увидев майора, сразу замолчали. Возле столовой какой-то сержант торопливо прятал сигарету за спину.

Издали снова донёсся гул самолёта. На этот раз выше. Короче.

Руднев машинально поднял голову.

— Во работают... — пробормотал он. — Вторую неделю почти без перерыва таскают что-то на аэродром.

Мельник тоже посмотрел в небо. Потом спокойно произнёс:

— Значит, постараемся закончить быстро и не мешать международному сотрудничеству.

Руднев засмеялся чуть громче, чем требовалось. Но Мельник уже понял: капитан нервничает.

***

Офицерская столовая находилась в отдельном одноэтажном здании рядом со штабом.

Низкое крыльцо. Выцветшая табличка. Окна, покрашенные снизу белой краской почти до половины.

Внутри оказалось заметно тише, чем в солдатской. Никакого гула. Никаких команд. Только звон посуды, негромкие разговоры и хриплый голос диктора из маленького телевизора под потолком.

Когда Мельник вошёл вслед за Рудневым, за столами почти одновременно наступила пауза. Не полная. Никто демонстративно не замолчал. Просто разговоры словно просели.

Кто-то отвёл глаза. Кто-то слишком внимательно занялся чаем. Один майор у окна демонстративно продолжил читать газету.

«Уже знают», — спокойно отметил Мельник.

Руднев же будто ничего не заметил.

— Доброе утро, товарищи офицеры! — бодро объявил он. — Проверка приехала, можете начинать бояться.

Несколько человек криво усмехнулись.

— Тебя бы кто проверил, — буркнул грузный подполковник с эмблемами танкиста.

— Меня нельзя, товарищ подполковник. Я ценный кадр международного значения.

— Это в каком месте?

— В разговорном английском.

За столами тихо засмеялись.

Руднев явно чувствовал себя здесь своим. Ходил без напряжения. Мог хлопнуть кого-то по плечу, без спроса взять сигарету со стола, переброситься шуткой с поварихой.

Но Мельник почти сразу заметил странную вещь: к Рудневу привыкли — но не уважали. Его терпели. Как человека, который слишком много знает и слишком много болтает.

Пока Руднев добывал чай и что-то громко рассказывал про ночное дежурство, Мельник спокойно оглядел помещение.

У окна сидел врач части — судя по погонам, капитан медицинской службы. Рядом — худой связист с красными от недосыпа глазами. Чуть дальше — особист. Молчаливый. Аккуратный. С неприятно внимательным взглядом. Тот самый тип людей, которые никогда не улыбаются полностью.

На дальней стене висела большая схема гарнизона. Новая. Мельник заметил это сразу. Слишком свежая бумага. Слишком яркие линии. Часть. Склады. Лес. Аэродром. И жирная красная линия новой дороги через лес.

Насыпь.

Мельник задержал взгляд.

Руднев уже плюхнулся рядом с ним:

— Вы не смотрите, что у нас тут бардак. На самом деле раньше хуже было.

— Верю.

Повариха поставила перед Мельником тарелку с яичницей и стакан чая.

За соседним столом кто-то негромко сказал:

— Ночью опять колонну гоняли?

— Гоняли.

— Куда теперь?

— К ангарам. Куда ещё.

— Они ж вчера закрыты были.

— А сегодня открыты.

Разговор быстро стих, едва Мельник поднял голову. Слишком быстро.

Руднев сделал вид, что ничего не заметил. Но заговорил сразу громче остальных:

— Да там сейчас вообще чёрт ногу сломит. Американцы свои контейнеры привезли — никого не подпускают. Даже наших технарей.

— Тебя-то подпустят, — хмыкнул связист.

За столом снова тихо засмеялись.

Руднев расплылся в улыбке:

— А как же. Я человек коммуникабельный.

— Ты человек любопытный, — поправил танкист.

— В армии без любопытства нельзя.

Мельник спокойно ел, почти не участвуя в разговоре. И слушал.

Руднев говорил слишком уверенно. Про график полётов. Про новые ангары. Про американскую технику. Про то, какие именно машины ночью шли на аэродром. Не хвастался. Нет. Хуже. Говорил как человек, давно находящийся внутри процесса.

И чем дольше Мельник его слушал, тем отчётливее понимал: обычный капитан гарнизона не должен знать столько про объект, который официально даже не относится к части.

В какой-то момент особист за дальним столом вдруг негромко произнёс:

— А дорогу через лес всё-таки зря начали.

В столовой стало тихо. Совсем.

Руднев мгновенно перестал улыбаться. Только на секунду. Но Мельник заметил.

Танкист раздражённо поморщился:

— Да хватит уже.

— Я просто говорю.

— Все уже наговорились.

Снова тишина.

Мельник медленно поставил стакан на стол.

Насыпь. Вот оно. Не дезертир. Не драка. Не избитый срочник. Что-то началось именно там — в лесу.

***

После завтрака Мельник ещё ненадолго задержался у схемы гарнизона.

Красная линия дороги уходила через лес к аэродрому ровно, почти аккуратно. Слишком аккуратно для временной насыпи, которую срочники сделали за несколько дней.

Он обернулся к Рудневу:

- До аэродрома далеко от насыпи?
Капитан не сразу ответил, всё ещё улыбаясь.
— До аэродрома — около восьми.
Мельник кивнул.
— Пойдём посмотрим.
Улыбка у Руднева сразу стала слабее.
— Сейчас?
— А когда ещё?

Капитан помедлил лишь секунду, но этого хватило. Мельник уже видел такое раньше. Люди, которым неприятно возвращаться в какое-то место, почти всегда делают одинаковую паузу перед ответом.

***

УАЗик брать не стали. Руднев сказал, что после дождя всё равно не проехать до конца, и они пошли пешком через склады части.

Утро оставалось душным, несмотря на серое небо. Над гаражами висел сизый выхлоп. В неподвижном воздухе пахло мокрой землёй, соляжкой и нагретым железом.

Где-то возле ремроты стучал молоток. Из открытого бокса тянуло сваркой. Обычная гарнизонная жизнь. Только чем ближе они подходили к лесу, тем тише становилось вокруг.

Мельник шёл спокойно, сунув руки в карманы полевой формы.

- Значит, сегодня двадцать первое? — спросил он.
— Да.
— Инцидент восемнадцатого?
— Вечером.
— Насыпь начали делать когда?
— Почти сразу. Дня за три до этого.
— Приказ кто отдал?

Руднев кашлянул:

- Ну... я.
— Лично?
— Командир сказал ускорить дорогу к аэродрому.
— Работами кто руководил?
— Корнеев. Тогда ещё старший сержант.
— Лейтенант, — спокойно поправил Мельник.

Руднев удивлённо посмотрел на него:

- Уже знаете?
— Уже.

***

Они вышли к началу насыпи.

Белая дорога тянулась через лес между деревьями. Мельник остановился, некоторое время молча смотрел вперёд, потом медленно пошёл вдоль края.

- Сколько человек работало?
— Пятеро.
— Всего?
— Ну... официально да.

Мельник ничего не ответил. Он машинально начал считать. Вырубка. Расчистка. Щебень. Подвоз материалов. Насыпь через лес. И всё это — за несколько дней. Слишком быстро. Даже если людей гоняли без сна, работа всё равно выглядела слишком аккуратной.

Мельник присел возле края дороги и провёл пальцами по белым камням. Станный материал. Слишком гладкий. Слишком одинаковый. Будто их не сваливали из разных куч, а изготовили где-то сразу одной партией.

Он поднял один из камней. Белесо-серый. Почти ровный. Матовый. Мельник потёр поверхность большим пальцем. Ни пыли. Ни извести. Ни краски. Камень выглядел так, будто всегда был такого цвета.

— Красили? — спросил он.

Руднев пожал плечами:

— Не знаю. Может, известняк такой.

Ответил слишком быстро.

Мельник ещё раз посмотрел на камень и молча отбросил его обратно.

***

Дальше они шли почти без разговоров.

Лес постепенно смыкался вокруг дороги, и именно тогда Мельник впервые почувствовал странность. Не увидел. Именно почувствовал. Что-то было неправильно.

Он остановился. Руднев тоже замер.

— Что?

Мельник медленно огляделся.

Тишина здесь была другой. Не обычной лесной тишиной раннего утра, а какой-то пустой, неподвижной. Ни насекомых. Ни птиц. Даже комаров возле лица не было. Воздух казался тяжёлым и застывшим.

Мельник нахмурился:

— Распыляли что-нибудь?

— Где?

— Здесь.

Руднев отвёл взгляд.

— Да вроде нет... Может, обработка какая-то была... я не знаю.

Соврал. Неумело.

И Мельник сразу понял: капитан заметил странности задолго до сегодняшнего дня. Просто предпочитал не задавать вопросов.

***

Через несколько минут Руднев остановился возле небольшого деревянного колышка у края насыпи.

— Здесь вроде.

Мельник осмотрелся и сначала даже решил, что капитан ошибся. Место выглядело идеально чистым. Никаких следов драки. Никакой вытопанной земли. Ни сломанных кустов, ни крови. Даже трава вокруг казалась слишком ровной, будто здесь вообще никогда никого не было.

— Рыжов сам шёл или волокли? — спокойно спросил Мельник.

— Не... Не знаю.

— Тогда где всё остальное?

— Какое остальное?

Мельник не ответил. Он уже сходил с насыпи в сторону леса, медленно осматривая землю. Руднев неохотно двинулся следом.

Под сапогами мягко пружинил мох.

Мельник раздвинул ветки кустарника и вдруг остановился.

В траве лежала белая ветка. Небольшая. С ладонь длиной. Он поднял её — и почти сразу понял, что это не дерево. Камень. Белый, гладкий и холодный. Слишком лёгкий для обычного камня и слишком твёрдый для древесины.

Руднев тихо выругался за спиной.

Мельник медленно повернул находку в пальцах, потом поднял взгляд. Рядом стояло дерево с обломанной нижней веткой. Он подошёл ближе и приложил находку к месту слома.

Подошло идеально.

Несколько секунд Мельник просто смотрел на стык, потом осторожно провёл пальцем по поверхности. Обычная кора. И рядом — абсолютно белый камень. Никакого перехода. Будто ветка в какой-то момент просто перестала быть деревом.

Он медленно опустил руку.

В лесу по-прежнему стояла полная тишина. Руднев больше не шутил.

Мельник двинулся дальше. Теперь быстрее.

Через несколько метров он заметил ещё одну белую ветку. Потом ещё одну. А рядом — след сапога. Едва заметный. Старый. Армейский.

Мельник присел. Край каблука. Рифление подошвы. Срочник.

След уходил глубже в лес.

Ещё одна ветка. Ещё след.

Тишина вокруг становилась почти физической.

Мельник ускорил шаг. Руднев уже тяжело дышал позади.

— Товарищ майор... может, хватит?

Мельник не ответил. Он увидел дерево раньше, чем понял это.

Белое пятно между стволами. Высокое. Неподвижное.

Он подошёл ближе и остановился.

Дерево было полностью каменным. От корней до самых верхних ветвей. Белое. Гладкое. С едва заметными прожилками внутри, похожими на мрамор.

У основания темнел последний след сапога. Дальше следов не было. Вообще.

Мельник медленно поднял руку и коснулся ствола. Холодный. Не как обычный камень, нагретый августовским воздухом. Холодный глубоко внутри.

Он провёл ладонью по поверхности. Слишком ровной для природы.

Потом поднял взгляд вверх. Белые ветви уходили между обычных живых деревьев.

И в этот момент Мельник вдруг совершенно ясно понял одну простую вещь: листьев на этом дереве больше никогда не будет.

За спиной тяжело сглотнул Руднев. Но говорить ничего не стал.

Над лесом вдруг ударил тяжёлый гул. Мельник вздрогнул почти машинально.

Транспортник появился прямо над верхушками деревьев — огромный, тёмный, идущий низко и медленно, будто проваливаясь сквозь серое августовское небо. Воздух дрогнул. Где-то посыпались сухие иголки.

Самолёт шёл на посадку к аэродрому. Слишком низко. Слишком близко.

Мельник смотрел на него несколько секунд, и только потом понял главное. Они не слышали, как он приближался. Никакого далёкого гула. Никакого нарастающего звука. Самолёт возник сразу над ними — будто появился из пустоты.

Гул пришёл позже. Уже вместе с самим самолётом.

Мельник медленно опустил взгляд. Первая по-настоящему неприятная мысль появилась неожиданно спокойно: «Или только я не услышал».

Он посмотрел на Руднева. Капитан шурился в небо, прикрывая глаза ладонью. Без удивления. Без страха. Даже без попытки сделать вид, что увиденное его потрясло.

Он просто избегал смотреть на дерево. И на Мельника тоже. Будто давно научился жить рядом с этим местом и не задавать лишних вопросов.

Самолёт ушёл дальше, к аэродрому. Гул постепенно растворился за лесом. Снова стало тихо. Слишком тихо.

Мельник ещё несколько секунд смотрел в сторону белого дерева, потом спокойно сказал:

— Идём на аэродром.

Руднев ответил не сразу.

— Сегодня не получится.

— Почему?

— Теперь проход только по запросу.

— По какому ещё запросу?

Капитан пожал плечами:

— Совместники. Американцы, подрядчики, охрана. Там сейчас всё через штаб согласовывается.

Мельник уже хотел ответить резко, почти автоматически. По старой памяти. Как отвечал последние двадцать лет службы. Но осёкся. Потому что вдруг очень ясно вспомнил: той страны больше нет.

Теперь многое действительно решалось не уставом. И не званием. А телефонными звонками. Договорённостями. Чьими-то интересами наверху.

Он молча кивнул и снова посмотрел на ветку в своей руке. Белая. Гладкая. Тяжёлая ровно настолько, чтобы ощущаться настоящей.

Как доказательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.